

В. Е. Быкасов

ПОХОДЫ ЗЕМЛЕПРОХОДЦЕВ К РЕКАМ ЛЕНЕ, ИНДИГИРКЕ, КОЛЫМЕ И ОХОТЕ

Кратко раскрывается процесс продвижения русских служивых, промышленных и гулящих людей от Урала и Зауралья на восток, к рекам Лене, Индигирке, Колыме и Охоте. Подчёркивается, что в основе этого полустихийного движения лежало стремление землепроходцев добыть шкурки пушных зверей для царской казны и приведения к ясаку местных жителей Сибири.

Ключевые слова: Лена, Индигирка, Колыма, Охота, Ламское море, землепроходцы, походы землепроходцев.

V. E. Bykasov

EXPEDITIONS OF THE PATHFINDERS TO THE RIVERS LENA, INDIGIRKA, KOLYMA, AND OKHOTA

This article briefly describes the movement of Russian servicemen, industrialists, and free settlers from the Urals and Trans-Urals eastward to the rivers Lena, Indigirka, Kolyma, and Okhota. It emphasizes that the semi-spontaneous movement was driven by the pathfinders; intent to acquire fur pelts for the Tsar's treasury and to impose yasak (tribute) on the indigenous people of Siberia.

Keywords: Lena, Indigirka, Kolyma, Okhota, Lama Sea, pathfinders, expeditions of the pathfinders.

Процессу продвижения русских людей в Восточную Сибирь и далее предшествовало освоение Предуралья и Зауралья, завершившееся созданием на устье р. Таз знаменитой Мангазеи. Об этом в «Памяти приказа Казанского Двора тобольским воеводам Ф. И. Шереметьеву и Е. М. Пушкину о содействии назначенным в Мангазею воеводам кн. В. М. Масальскому и С. Е. Пушкину в плавании из г. Берёзова по Обской губе – до устья р. Таз» было сказано: *«В прошлом 108 (1599) году по государеву, цареву и великого князя Бориса Фёдоровича всеа Руси указу посланы в Монгазею и в Енисею ис Тобольска князь Мирон Шаховской да Данило Хрипунов, а с ними послано ис Тобольска да з Берёзова служилых людей – сын боярской, да отоманов, литвы и казаков, и стрельцов – 100 человек. А велено им в Монгазее на Тазском устье поставити острог для того, чтоб монгазейскую и енисейскую самоедь привести под государеву, царскую высокую рук и есак с них ежегодно збирать»* [14, с. 51].

Правда, И. Никитин считал, что воеводы направились туда в 1600 г. во главе 150 человек [12, с. 25]. Но это сути дела не меняет, поскольку, несмотря на потерю судов в Обской губе, отряд служивых людей достиг р. Таз и укрепил там одно из построенных ранее промышленными людьми поселений, которое было ими названо Мангазеей. То же самое говорил и М. И. Белов [3, с. 28]. Причём произошло это, как считал А. В. Ефимов, в 1601 г. [7, с. 55]. Так за Уралом возник второй после Тобольска

административный центр, задачей которого стало освоение пушных богатств низовий рек Обь и Енисей. В 1624–1637 гг. на таможенную Мангазею было доставлено 369 тысяч соболиных шкурок [3, с. 28]. А сколько таких шкурок прошло мимо таможни – остаётся только гадать.

Однако 70 лет спустя, в результате «испромышления» пушных ресурсов в бассейне р. Обь, город было решено упразднить [3]. И в 1672 г. Мангазея была полностью оставлена её жителями, которые почти все переехали в острожек Туруханск, расположенный на Енисее, напротив устья р. Нижняя Тунгуска. Он какое-то время именовался Новой Мангазеей, и от него началось дальнейшее продвижение русских людей на восток – сначала к Енисею, а затем к Лене и Колыме.

Правда, первые смутные слухи о р. Лене дошли до властей первой Мангазеи ещё в 1621 г. [12, с. 29]. Но только в 1625 г. была предпринята первая попытка выйти от устья Нижней Тунгуски к так называемому Чечуйскому волоку и оттуда по Вилую к Лене [11].

Два года спустя Максим Перфильев, выйдя из Енисейска с отрядом из 40 человек, добрался до р. Илим и через год вернулся в Енисейск, доставив новые данные о пути, ведущем к р. Лене [12, с. 30]. В 1628 г. промышленник Пянда (Пенда) во главе отряда из 40 человек от устья р. Нижняя Тунгуска поднялся до Чечуйского волока, отделяющего бассейн Нижней Тунгуски от бассейна р. Вилуй [11, с. 105]. От этого

волока он вышел к Вилую, по которому доплыл до р. Лены и по ней поднялся до того места, где позднее был построен Якутск [12, с. 29]. Оттуда казаки направились к верховью Лены, через земли бурят перешли на Ангара, и по ней и по Енисею вернулись в Туруханск.

В 1628 г. через этот же Чечуйский волок на Вилую и на р. Лену проследовал отряд казачьего десятника Василия Бугра [8, с. 79]. И в этом же году по рекам Вилую, Лене и Алдан плавал Мартын Васильев [11, с. 105]. В 1629 г. поход на Нижнюю Тунгуску совершил отряд тобольских, берёзовских и мангазейских служилых людей Самсона Навацкого [12, с. 29]. А на следующий год 30 человек из этого отряда во главе с Антоном Добрыньским от Нижней Тунгуски перешли на её правый приток – р. Иногли. И от неё через невысокий волок вышли к р. Чоне, по которой они выплыли на Вилую, Лену и на низовье Алдана [там же].

В 1630 г. возле волока с Илима на р. Куте, впадающей в Лену, был построен Илимский острог. И в том же году по Ангаре и Илим на р. Лену был отправлен атаман Иван Галкин, который, пройдя от Илима на р. Куте, весной 1631 г. поставил в её устье зимовье – будущий Усть-Кут [там же, с. 31].

На следующий год сюда же из Енисейска на смену И. Галкину прибыл во главе отряда из 30 человек стрелецкий сотник Пётр Бекетов, приведший «под государеву руку» несколько бурятских, якутских и тунгусских родов. И, наконец, в 1632 г. на р. Лене, в 70 вёрстах ниже теперешнего Якутска, *«на месте, называемом Чуковым полем, тесном и низком, которое ежегодно топило внешней водой»*, отрядом П. Бекетова был построен Якутский острог [7, с. 56]. Правда, Д. М. Лебедев и В. А. Есаков считали, что первоначально Якутский острог был поставлен в 80 км ниже современного Якутска, откуда его перенесли на нынешнее место [11, с. 105]. Однако Ф. Г. Сафронов, как и А. В. Ефимов, утверждал, что первый острог был построен в 70 км ниже по течению от нынешнего Якутска [16, с. 172].

Сразу же после своего возникновения Якутск стал опорной базой для дальнейшего продвижения служилых, промышленных и гулящих людей: на северо-запад – к р. Оленёк, на север – к устью Лены, на северо-восток – к рр. Яне, Индигирке, Колыме и далее, а также на восток и юго-восток – к Ламскому (Охотскому) морю. Причём если до 1632 г. свои походы от Мангазеи на восток землепроходцы осуществляли почти исключительно по рекам и

волокам между речными системами, то после основания Якутска к таковым способам продвижения добавились более или менее регулярные плавания по Северному Ледовитому океану вдоль его берегов.

В 1632 г. на р. Лене, в 750 км ниже Якутска, было построено Жиганское зимовье, ставшее важным промежуточным пунктом для продвижения служилых, промышленных и гулящих людей на земли, расположенные западнее, севернее и восточнее нижнего течения Лены. Так что уже в 1633 г. Иван Ребров и Илья Перфильев во главе группы служилых и промышленных людей отправились от Жиганска на судах к устью р. Лены [7, с. 56]. Оттуда землепроходцы повернули на восток и достигли р. Яны, где ими было поставлено зимовье с острожком.

В 1633 г. на р. Вилую из Тобольска был направлен отряд из 38 человек во главе с Воином Шаховым, который, следуя по Нижней Тунгуске, вышел к Вилую не по р. Чоне, а севернее, и прямым путём [12, с. 30]. Здесь казаки провели 6 лет, собирая ясак с местного населения.

В начале лета 1636 г. 6 служилых и 40 промышленных людей под руководством енисейского десятника Елисея Бузы, выйдя по р. Лене в море, отправились на запад – к р. Оленёк [11, с. 110]. После зимовки на этой реке отряд «сухим путём» вернулся на Лену и, построив там кочи, ушёл морем на восток – к р. Яне. Однако после крушения кочей Е. Буза был вынужден высадиться на берег в районе р. Омолой. Оставив здесь всё лишнее, казаки и промышленные люди на лыжах и нартах вышли к верховью р. Яны и обложили там ясаком местных якутов. Летом 1638 г., построив новые кочи, служилые и промышленные люди спустились к устью Яны и провели там два года, собирая ясак и охотясь на соболя.

В 1638 г. пеший переход через Верхоянский хребет совершил отряд из 30 человек во главе со служилым человеком Посником Ивановым [12, с. 36]. Поставив на р. Яне зимовье (будущий Верхоянск), казаки и промышленные люди отряда всю зиму собирали там ясак с местных жителей [там же]. А на следующий год перебрались на р. Индигирку, где поставили очередное зимовье [там же].

В 1640 г. Селиван Харитонов на кочах отплыл от р. Яне и достиг р. Колымы [там же, с. 37]. Однако Б. П. Полевой [15, с. 19] считал, что до выхода на Колыму в 1643 г. объединённого отряда М. Стадухина и Д. Зыряна (Ярило) никто из русских людей на Колыме не бывал.

В 1641 г. Д. Зырян ниже Верхоянского зимовья основал Олюбенское зимовье [12, с. 36]. А весной следующего года он же во главе отряда из 15 человек на коче вышел в море, доплыл до р. Алазеи, поднялся по ней до границы леса и поставил там, после жестокого боя с юкагирами, зимовье с острожком [там же].

В том же 1641 г. М. Стадухин «сухим путём» ушёл на р. Оймякон. И на следующий год отправил оттуда «коньми» на р. Охоту 18 человек томских казаков из отряда Третьяка Хомяка и 20 якутов, поставив во главе этого отряда томского казака Андрея Горелова. Через 5 недель отряд А. Горелова, не дойдя из-за сопротивления ламутов (тунгусов) за три дня до Охотского моря, вернулся на Оймякон.

В 1642 г. М. Стадухин с Оймякона ушёл на р. Индигирку. Оттуда он на коче перебрался на р. Алазею. И в 1643 г., объединившись с находившимся там отрядом Д. Зыряна, казаки уплыли на р. Колыму [15, с. 20], где они, чуть ниже общего устья рек Большой и Малый Анюй, основали Нижне-Колымское зимовье [5], ставшее важным опорным пунктом на путях продвижения русских людей к Чукотке и к Охотскому морю.

В 1641 г. якутский пятидесятник Курбат Иванов в своей «Росписи службам Курбата Иванова» сообщил: *«Да я ж, Ивашко... чертил чертёж великую р. Лену с вершины и до устья и в неё падучим рекам – Битим (Витим), и Киреныгу (Киренгу), и Алдан, и Вилюй, в них падучим рекам, по р. Лене пашенным местам и всяким угодыям и сторонним рекам и Ангаре реке и на Собачье (Индигирка) рекам на Ленке (Оленёк) и по Мае реке на Ламу и на море, куда ходили служилые люди Дмитрия Копылова и в Байкал по падучим рекам»* [11, с. 106–107]. В 1642–1643 гг. он же первым из русских людей совершил поход к истоку р. Лены с выходом на байкальский остров Ольхон [там же, с. 107].

В 1643–1646 гг. на р. Зею был послан отряд письменного головы Василия Даниловича Пояркова [4, с. 84–85]. При этом в инструкции, данной якутским воеводой П. Головиным В. Пояркову, указывалось: *«И на Зие реке будучи, ему, Василью, расспрашивать всяких иноземцов накрепко про сторонние реки, которые в Зию пали, какие люди по тем сторонним рекам живут, сидячие ли, или кочевные, и хлеб у них и иная какая угода есть ли, и серебряная руда, и медная, и свинцовая по Зие реке есть ли, и что кто из иноземцов в распросе скажет, и то записывать именно»* [там же, с. 87]. Однако при этом о рр. Шилке и Амур ничего не говорилось.

И не говорилось потому, что на момент отправки В. Пояркова в поход, Д. Копылов сообщил сибирским властям данные о р. Зее, полученные им из расспросов тунгусов, обитающих по рр. Алдан, Учур и Гонам, истоки которых подходит к истокам р. Зеи. Тогда как о р. Шилке русские узнали лишь после похода В. Пояркова, когда на неё в 1649 г. вышли люди, посланные атаманом И. Галкиным.

Следуя указаниям этой инструкции, В. Поярков, выйдя к верховью Лены, поплыл вниз к Якутску, и оттуда по Алдану поднялся к р. Учур. Поднявшись вверх по его течению, землепроходцы вышли к р. Гонам и по ней двинулись к водоразделу Станового хребта. Однако 29 сентября, ввиду начавшихся заморозков и выпадения первого снега, В. Поярков, в надежде разжиться продовольствием на р. Зее, безрассудно оставил (правда, под охраной 42 человек во главе с казачьим пятидесятником Патрикеем Мининым) на устье правого притока Гонама – р. Нюёмке, основной запас своего продовольствия [1, с. 277]. А сам с остальными людьми последовал налегке с нартами за перевал. Через 10 дней казаки, преодолев перевал, спустились от него к р. Брянта и по ней 10 ноября 1644 г. вышли к Зее [там же]. Спустя два дня казаки встретили первые жилища тунгусов-оленьеводов, названных ими уллагаирами [там же, с. 278]. А ещё через семь дней вышли к первым жилищам дауров, расположенным вблизи устья р. Умлекан.

Здесь В. Поярков со своими людьми поставил зимовье. Но вместо того, чтобы наладить мирные отношения с местными жителями, он устроил разбой и грабёж, в результате чего казаки были осаждены и просидели в осаде настолько долго, что *«...служилые люди, не хотя напрасною смертью помереть, съели многих мёртвых иноземцов (убитых при осаде зимовья. – В. Б.) и служилых людей, которые с голоду примерли, приели человек с пятьдесят. И они, служилые люди, которые мёртвых иноземцов ели, иные жили, а иные примерли»* [4, с. 87]. И лишь весной 1644 г. П. Минин, перейдя со своим отрядом через хребет, вызволил осаждённых поярковцев из осады.

Но самое странное во всей этой истории является то, что она огласки не получила. Более того, спустя три века авторы монографии «История открытия и исследования советской Азии» эту зимовку отряда В. Пояркова на реке Умлекан описали буквально лубочно: *«Поярков подолгу беседовал у походного костра с местным*

"князцом" *Доптыулом*, которого он взял в аманаты (заложники). Из показаний своего пленника и других даурских князцов, приезжавших к Пояркову в лагерь на Умлекан, он понял, что впервые за всё время продвижения по Сибири русские люди столкнулись здесь не со знакомыми им кочевыми охотничьими племенами тунгусов, а с народом, который стоял на более высокой ступени развития» [1, с. 278]. И ни единого слова не сказали при этом об осаде и её трагических последствиях.

После объединения отряда В. Поярков отправился вниз по Зее к Амуру. При этом, по мнению Л. С. Берга [4, с. 88], В. Поярков собственноручно Амуром считал ту часть этой огромной реки, которая располагалась ниже р. Сунгари, впадающей в Амур с правой стороны в 250 км выше Хабаровска.

Ниже устья Зеи землепроходцы в районе р. Буреи повстречались с дючерами, которые занимались хлебопашеством и разведением домашнего скота. Вместо того чтобы наладить нормальный обмен товарами, землепроходцы попытались силой привести дючеров к ясаку. Поэтому, когда Д. Поярков отправил на разведку вниз по Амуру 25 казаков, дючеры перебили почти всех – в живых осталось только 2 человека [там же].

И вновь приходится отмечать, что авторы монографии «История открытия и исследования советской Азии» о пребывании казаков в районе обитания дючеров написали: «Не имея возможности о чём-либо переговорить с дючерами, Поярков, тем не менее, наладил с ними торговый обмен, получая за привезённые товары (бисер, ножи, топоры и другие железные изделия) рыбу, овощи и хлеб, необходимые казакам для питания» [1, с. 278].

На самом же деле, поняв, что покорить дючеров силой не получится, В. Поярков отправился вниз по Амуру. И где-то возле его устья казаки провели вторую зимовку. Здесь они познакомились с натками (ачанами) и гиляками (нивхами), которые, в отличие от дючеров, хлебопашеством не занимались, а разводили коров и свиней и ловили рыбу.

В начале лета 1645 г. В. Д. Поярков на лодках вышел в море и отправился на север. При этом мореплаватели на своём пути видели о. Сахалин, о котором им рассказывали гиляки, и один из Шантарских островов. И, наконец, после трудного плавания к концу августа 1645 г. казаки добрались до москвитинского зимовья на устье р. Ульи, где и остановились на очеред-

ную зимовку. А следующей весной В. Поярков с 33 служивыми людьми за две недели перешёл через хребет Джугджур в долину р. Май и 12 июня 1646 г. прибыл в Якутск.

Очевидно, что задачу по обложению жителей вдоль рр. Зеи и Амур ясаком В. Поярков так и не решил. Тем не менее, авторы «Истории открытия и исследования советской Азии» утверждали, что «...перед Поярковым стояли вопросы политического и экономического, т. е. в широком смысле географического, характера. Инструкция обязывала его дать удовлетворительные ответы по всем её пунктам, и, надо сказать, справился он с возложенными на него поручениями отлично» [там же, с. 277]. Но как можно считать отличным результат этого похода, если после него к устью Амура Россия вышла лишь 170 лет спустя.

Летом 1646 г. из Якутска на Охотское море («на большое море-окиян») был отправлен отряд казачьего десятника Семёна Шелковника из 40 человек с повелением привести местное население в подданство и собрать с них ясак [16, с. 185]. Следуя по пути, пройденному И. Москвитиным, отряд Шелковника «грузными нартами» дошёл до хребта Джугджур и весной спустился с него к р. Улье [11]. Там служилые люди построили струги и поплыли вниз к её устью. И в середине мая 1647 г. они встретились в москвитинском зимовье с оставленными там казаками В. Пояркова [16, с. 185].

И вот что об этом было сказано в «Челобитной Ленских служивых людей Ивана Афанасьева с товарищами, о даче ими жалования за службу на реках Ульи и Охоты»: «В прошлом, государь, во 154 (в 1646. – В. Б.) году... посланы мы, холопы твои на твою государеву службу с приказным человеком с десятником Семёном Шелковником сорокью человеки большим морем Окияном на Улью и на Охоту реки для прииску новых земли, где бы тебе, государь, ясак взять; и как, государь, мы, холопы твои, пришли на Улью во 155 г. мая в 16 день, и на Улье приказной Семён Шелковник, по твоему государеву указу, принял себе в полк твоих государевых служилых и промышленных людей Ермилка Васильева с товарищи 17 человек, которые были оставлены от письменного головы Василья Пояркова для твоего государева ясачного соболиного сбора, и с усть Ульи пошли на твою государеву службу на Охоту июня в 16 день, и всего нас, холопей твоих, 54 человека; и как мы, холопы твои, пришли морем к устью Охоты июня в 23 день...» [6, с. 320–321].

То есть, проведя зиму на устье р. Ульи, отряд С. Шелковника в 1648 г. вместе с людьми

В. Пояркова морем ушёл на р. Охоту. Здесь казаки выдержали ожесточённое сражение с тунгусами, которых, по словам казаков, было более тысячи человек [6, с. 186]. И отразив нападение, поставили около устья р. Охоты новое ясачное зимовье, положившее начало становлению Охотска – первого русского морского порта на Тихом океане.

В 1647 г. отрядом атамана Василия Колесова был построен Верхне-Ангарский острог [12, с. 40]. И в этом же году отряд енисейского казака Ивана Похабова совершил переход по льду на южный берег озера Байкал [там же]. А в 1648 г. Иван Галкин обогнул озеро Байкал с севера и основал Баргузинский острог [там же].

В это же время (возможно, вместе с отрядом С. Шелковника) из Якутска к Охотскому морю по рекам Ленского бассейна, затем по р. Улье до её устья и по Охотскому морю вдоль берега до устья р. Охоты проследовал Алексей Филиппов [9]. Отсюда он в 1648 г. был отослан С. Шелковником во главе 24 человек к Тауйской губе.

И вот что об этом говорится в «Челобитной служивых людей Алексея Филиппова с товарищами о даче им жалованья за службу на рр. Ине и Мотыхлее»: «...с усть Охоты реки служивые Ермилко Васильева с товарищи 24 человека пошли на государеву службу на Иню реку июня в 23 день...» [6, с. 321]. И пробыли там до 28 июня, когда «учинился бой с иноземцами в дни многие время» [там же, с. 24]. Дождавшись после битвы большого прилива и нагона воды в лагуну р. Ини, землепроходцы снялись с мели, вышли из лагуны в море и проследовали далее на восток. Однако возле «великого озера» (ныне губа Ушки. – В. Б.) очередной шторм выбросил их суда на кошку. Сняв с «великою нужею» свои суда с кошки, казаки отправились далее, и 3 августа дошли до р. Мотыхлей [там же].

То есть от Охотска отряд А. Филиппова в одни сутки доплыл до «Каменного мысу» (полуостров Лисянского), у которого были обнаружены лежбища моржей. При этом он отметил и другие «острова в море», на которых, по словам местных тунгусов, «лежит зверя моржа много». И оттуда А. Филиппов в течение суток доплыл до устья р. Мотыхлей, где они и поставили своё зимовье: «И на той речке (Мотыхлей) у служивых людей зимовье было поставлено» [там же, с. 325]. Но при этом потерял несколько дней на снятие своих судов с мели.

Здесь они в течение трёх лет собирали ясак с тунгусов, обитающих по берегам губы. А также по перешейку, соединяющему двойной полуостров Кони-Пьягина с материком, ходили к Ямской губе, где они первыми из русских людей наяву увидели, что сразу же за высоким (до 1548 м) береговым хребтом двойного полуострова Кони-Пьягина, морской берег резко поворачивает на север, а затем, после Ямской губы, направляется к северо-востоку. И не исключено, что именно они этот береговой хребет назвали тем самым «камом чатым», за которым якобы открывается проход к Ледовитому морю.

После плавания А. Филиппова к Тауйской губе у русских людей появилось чёткое представление о «каменном носе» (каме чатом), который, по их мнению, отделял Ламское море от Ленского. На мой взгляд, от него вполне могло произойти и название «Камчатка»*. Считать таковым «каменным носом» нынешнюю Камчатку они не могли: даже полвека спустя после их похода русские люди не знали о существовании Камчатского полуострова, который 1200-километровой преградой отгораживает Охотское море от Берингова.

Летом 1651 г. отряд А. Филиппова вернулся в Охотск [11, с. 108]. Однако Н. Н. Зубов ошибочно посчитал, что А. Филиппов вернулся в Охотск в 1649 г., а в 1652 г. – в Якутск [9, с. 45]. Зато он совершенно верно самым главным достижением похода А. Филиппова назвал сочинение казаком «Росписи от Охоты реки морем итти подле земли до Ини и до Мотыклея реки и каковы где места и сколько где ходу, и где каковы реки и ручьи пали в море, и где морской зверь морж ложится и на которых островах» [6, с. 324]. Она оказалась первой лоцией западной части северного берега Охотского моря.

В 1649 г. через хребет Джугджур на р. Улью прошёл отряд Семёна Епишева, о чём землепроходец сказал так: «В прошлом во 158 г., июля в ... день, по государеву указу, указали вы мне, Сеньке итти из Ленского острогу на государеву службу с служивыми людьми на большое море Окиян и на реку Улью и Охоту на выручку государевой ясачной казны и служивым людям на перемену десятнику Семёну Шелковнику и для прииску и приводу новых неясачных иноземцов; а служивых со мною Сенькой пошло от Маи реки

* И в самом деле, от слов кам – камень (хребет) плюс – чатой (желаемый) [10] вполне логично выстраивается цепочка производных словосочетаний: кам чатой, остров (полуостров) Камчатой, Камчатский полуостров, Камчатка.

за Ульский волок 28 человек во 159 г. марта в 23 день, и до Волочанки речки два дня шли, и всего до волоку шёл с устья Ранной до Сикиши реки грузными нартами 8 дней, переиёл волок апреля в 1 день, и по Сикше пошёл на Улью реку, и Сикшею шёл, на Улью пришёл апреля в 6 день; и пришед на Улью жил мая по 26 число, и сделав кочи с устья Сикиши реки с плотбища плыл по Улье мая в 30 день, а выплыл Улья на устье кочем июня во 2 день, потому что судом Божиим бросило на камень на...середине Ульи реки в утёсах, не доплыв двух плёс того Большого Бойца камня, где прежде сего разбило служивого Семейка Шелковника с служилыми людьми, и только чуть живых нас Бог вынес, и во многих местах, плувучи по Улье... река велми быстра, и убойных мест по ней много, и только бы не задержало, мочно бы одним днём выплыть до моря; и кому будет государь укажет впредь служилым людям на свою государеву службу итти на Улью и на Охоту реку, и служилым людям на Сикше реки судов бы не делать, где преж сего делал Семейка Шелковника

с товарищи, потому что не выплыть, розобьёт, а выходить из тое реки на Улью до моего плотбища Сенкина переход не велик, с волоку всего грузными нартами до моего Сенкина плотбища две недели, а реки проходят поздно» [13, с. 333].

Но если землепроходцы «грузными нартами» продвигались по р. Волочанке, то под этой рекой они явно понимали р. Нудьму. По ней они вышли на р. Сикшу (приток р. Нудымы) и по её долине поднялись на перевал, с которого спустились к другой р. Сикше (на самом деле к р. Уенма) и по ней вышли к р. Улье. И, сплавляясь по Улье, потерпели крушение на тех порогах, которые берегом обошли в своё время москвитинцы. Это было единственное задокументированное крушение русских людей на порогах р. Ульи.

Ходили ли после этого данным путём другие землепроходцы к Ламскому морю или нет – неизвестно. Но это уже и не так важно, поскольку вряд ли таковые данные добавят нечто принципиально новое к описанию маршрутов от Алдана и Майи к устью р. Ульи.

1. Азатьян А. А., Белов М. И., Гвоздецкий Н. А., Каманин Л. Г., Мурзаев Э. М., Югай Р. Л. История открытия и исследования Советской Азии. М. : Мысль, 1969. 535 с.
2. Белов М. И. Семён Дежнёв. М. : Мор. транспорт, 1955. 153 с.
3. Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Часть I. Л. : Гидрометеиздат, 1980. 163 с.
4. Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. 358 с.
5. Быкасов В. Е. Поход Михаила Стадухина от Анадыря до Тауя. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2019. 80 с.
6. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией : в 12 т. СПб. Тип. Э. Праца, 1846. Т. 3. С. 320–321.
7. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах (XVII – первая половина XVIII вв.). М. : Географиз. 1950. 318 с.
8. Он же. Из истории великих русских географических открытий. М. : Наука, 1971. 300 с.
9. Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели-исследователи морей и океанов. М. : Географиз, 1954. 474 с.
10. Краткий церковно-богослужебный словарь. М. : Фонд «Благовест». Подворье Троице-Сергиевской лавры, 1997. 318 с.
11. Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования: с древних времён до 1917 года. М. : Мысль, 1971. 516 с.
12. Никитин Н. И. Освоение Сибири в XVII веке. М. : Просвещение, 1990. 144 с.
13. Отписка служиваго человека Семёна Епишева Якутскому воеводе Дмитрию Францбекову о принятии в своё ведение Охотского острожка, о военных действиях против Сибирских инородцев, о сборе ясака и проч. // Дополнения к Актам историческим... С. 332–343.
14. Память приказа Казанского Двора тобольским воеводам Ф. И. Шереметьеву и Е. М. Пушкину о содействии назначенным в Мангазею воеводам кн. В. М. Масальскому и С. Е. Пушкину в плавании из г. Берёзова – по Обской губе – до устья р. Таз // Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии : сб. док. / сост. Н. С. Орлова. М., 1951. С. 51–54.
15. Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки : в 2 ч. Петропавловск-Камчатский. Камч. печ. двор, 1997. Ч. 1. 159 с.
16. Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России. Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1988. 192 с.